

**V. I. Bushkov, Z. M. Madamidjanova. Tajikistan Arabs
in Late 19th–20th**

In this article it makes an attempt to give the detailed description of the present stage of the history of Tajik (and in the broad sense Amydarya area) Arabs. The authors dwell on the main process which is important for the development and transformation of this ethnos. As the result of this investigation the specialists will be able to get the complex information which is necessary not only for better understanding of Middle Asia population ethnic history but for analysis of the present ethnic process and the up-to-date ethnopolitic situation.

© 1998 г., ЭО, № 3

М.Г. Туров

**К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА
И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЭВЕНКОВ***

Очевидно, что по сложности и объему привлекаемых источников исследование означенной проблемы не исчерпывается заданными рамками журнальной статьи. В этой связи автор обязан извиниться перед читателем в том, что излагаемые здесь соображения конспективны, а аргументация предлагаемых к обсуждению положений более чем лаконична.

Происхождение и этническая история эвенков, определение места данной этнической общности в этногеографии, хронологии и этнокультурной истории коренного населения Сибири неизменно привлекают внимание и являются предметом специальных исследований уже со второй половины XVIII в.¹ Со второй четверти XX в. ранние этапы этногенеза эвенков составляют одно из традиционных направлений исследований сибирской антропологии, археологии и лингвистики. Тем не менее данная проблема все еще далека от разрешения, а источниковая база этногенетического материала, как нам представляется, по-прежнему изобилует незаполненными лакунами.

Осмысление предшествующих концептуальных решений проблем этногенеза и этнической истории эвенков привело нас к следующему, очевидно, неоспорному суждению: все без исключения исследования в этом направлении так или иначе связаны с попытками интерпретации и соединения в общую схему следующих свойственных эвенкам (тунгусам) феноменов: 1) огромный для относительно малочисленной этнической общности ареал расселения и отсутствие постоянных хозяйственных, социальных и информационных связей между ее территориальными подразделениями; 2) общность в основных элементах языка, хозяйства, материальной и духовной культуры, сочетающаяся с их локальной спецификой; 3) выявленные уже на ранних этапах этногенетического изучения тунгусов аналогии в языке, физическом типе и культуре, соединяющие тунгусоязычное население Северной Азии, «палеоазиатов» и исторически известные этнические общности самодийской, тюркской и монгольской языковых групп в некие метаэтнические образования.

* Настоящая публикация подготовлена в соответствии с программой исследовательского проекта РФФИ 95-06-17231.

Все опыты моделирования процессов этногенеза и этнической истории тунгусов, как нам представляется, производились в соответствии с тем определением этноса, которое было принято на «вооружение» этнографами еще в конце XIX – начале XX в.² и рассматривало этнос как исторически сложившуюся общность людей, которая отличается от ряда других общим происхождением, общностью языка, территории, хозяйства, культуры и самосознания, выраженного через общее самоназвание – этноним. При этом единство территории обитания и хозяйственной деятельности в совокупности с эндогамией признавалось решающим условием формирования этнического целого, свойственных ему этнодифференцирующих характеристик.

Представляется, что культура, этническое самосознание и самоназвание в этой схеме воспринимались вторичными, производными от единого «бытия». Быть может по этой причине все известные разработки по этногенезу и этнической истории эвенков (тунгусов) были подчинены решению четырех основных задач: селекции «собственно эвенкийских (тунгусских)» компонентов культуры; поиска их аналогов в древности; определения антропологической прасосновы и пространственной локализации «исторической прародины» этноса.

Особенности языка и физического типа как наиболее яркие и потому выявленные уже на ранних этапах сравнительно-этнографического изучения народов Сибири этнические дефиниции эвенков, определяли их положение в этнокультурной систематике «сибирских инородцев». И те и другие изначально рассматривались в качестве важнейших признаков как внутреннего единства этноса, так и его родства с соседними народами³, задавали направления поиска генетических связей в этногеографическом пространстве, смежном ареалу их расселения.

К началу XX в. в результате сравнительных исследований лингвистических, археологических, антропологических и этнографических материалов по населению Сибири и примыкавших к ее границам территорий Монголии и Северо-Восточного Китая оформилась гипотеза алтайской прасосновы происхождения тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюрских языков; были сформулированы общие представления о первоначальной территории формирования основных этнокультурных и антропологических характеристик тунгусов. При этом подкрепленная многолетними лингвистическими исследованиями реальность существования алтайской языковой семьи в целом не вызывала сомнений до середины XX в.⁴, однако вопрос о географической локализации так называемой исторической прародины тунгусов изначально породил ряд противоречивых суждений.

Предложенная Г.Ф. Миллером и поддержанная некоторыми другими сибиреведами теория автохтонного происхождения тунгусов локализовала их «прародину» в пределах «тех стран, которые они занимают и поныне»⁵. До середины 1930-х годов эта точка зрения не получила своего развития и не пошла далее рабочих предположений. Большая группа исследователей, нередко значительно расходясь во мнениях, придерживалась версии «миграционного» (пришлого) происхождения тунгусо-маньчжуров и помещала исходную территорию их формирования к югу от современного ареала расселения.

Наиболее ранние и популярные у исследователей XVIII – начала XX в. версии связывали исходную территорию с левобережьем нижнего и среднего течения Амура и примыкавшими к реке районами Маньчжурии⁶.

Вторая гипотеза локализовала «прародину тунгусов» в лесостепных районах Южного Прибайкалья, Забайкалья и на примыкавших к ним территориях Северной Монголии. Наиболее аргументированно, опираясь на антропологическое изучение коренного населения Забайкалья и Северной Монголии, эту точку зрения отстаивал Ю.Д. Талько-Грынцевич⁷.

Третья гипотеза, основанная по преимуществу на сопоставлении этнографических и отчасти лингвистических материалов по группам «северных» и «южных» тунгусов, локализовала исходную территорию их этногенеза в междуречье Хуанхэ и Янцзы⁸ и связывала их происхождение с центральноазиатским очагом генезиса монголоидов и

легендарными сянбийцами, сведения о которых дошли до наших дней из древних китайских хроник⁹.

Становление советской школы этнографического сибиреведения, как известно, происходило в условиях разработки и решения прикладных задач. Вместе с тем систематическое изучение языка, хозяйства и материальной культуры, социальной организации и географии расселения аборигенов Сибири, интенсивное развитие сибирской археологии и палеоантропологии косвенным образом «работали» на расширение банка исходных данных по этногенетической проблематике.

Можно предполагать, что в силу ряда причин проблемы происхождения и автохтонности отдельных «малых народностей» приобретали в советский период особый смысл, что в той или иной мере определяло как интенсивность этногенетических исследований, так и судьбу «политически двусмысленных» гипотез этногенеза отдельных дисперсно расселенных этносов. Быть может отчасти по этой причине «маньчжурский очаг» этногенеза тунгусов был на время предан забвению, а гипотезы С.М. Широкогорова и В.И. Сосновского подверглись резкой критике и оказались отвергнуты как научно необоснованные¹⁰.

Было бы крайне несправедливо утверждать, что лишь известным идеологическим давлением и политическими соображениями объясняется то обстоятельство, что гипотеза автохтонного происхождения тунгусов, как и определение хронологических рамок завершения этногенеза эвенков I – началом II тысячелетия н.э., становятся в конце 1940-х – 1960-е годы общепризнанными и безальтернативными. Объективно на это «работало» несколько обстоятельств.

Исследования по теории этноса и в особенности разработки по проблемам типологии и эволюции этнических культур находились по существу на стадии рабочих гипотез и дискутируемых положений, далеких от окончательной кристаллизации в законченные концепции¹¹. Общность языка, физического типа и основных элементов материальной и духовной культуры по-прежнему считалась ключевым аргументом, который не только указывал на генетическое родство их носителей, но и позволял считать, что процесс этногенеза для данной общности уже завершен и уступил место этнической истории, т.е. эволюции сложившихся этнокультурных дефиниций.

В действовавшей в то время схеме типологии этнических общностей, выстроенной по существу по стадийному принципу и классифицирующей эти общности в соответствии с характерным для них уровнем экономического и социального развития, эвенки, как и большая часть коренных народов Сибири, были отнесены к разряду «традиционалистских», фактически остановившихся в своем развитии сообществ, которые воспроизводят большую часть своих этнодифференцирующих характеристик на протяжении чуть ли не тысячелетнего периода¹².

Убежденность в том, что генетическое родство языков, общность происхождения (в буквальном смысле – наличие общего предка, реального или мыслимого) и, наконец, тождество хозяйства, материальной и духовной культуры являются базовыми характеристиками этнического целого, определяла, как нам представляется, конечные результаты исследования этнокультурных традиций эвенков. В начале 1930-х годов за дисперсно расселенными группами данной общности в научной литературе и административных документах закрепляется статус «малой народности», получившей официально зафиксированный этноним «эвенки»¹³.

Полученные в 1930-е – 1960-е годы новые материалы по языку, фольклору, традиционным верованиям и обрядам эвенков, по топонимике и этнонимике Сибири¹⁴ составили основной фонд этнографических данных в предложенной Г.М. Василевичем схеме этногенеза и этнической истории эвенков. Древность этнокультурного комплекса тунгусов и его географическая локализация в Южном Прибайкалье обосновывали накопленные к тому времени новые материалы по археологии и антропологии юга Средней Сибири.

Следует, правда, заметить, что сравнительному анализу были подвергнуты краниометрические материалы по современным тунгусам и палеоантропологические

данные лишь небольшой серии ископаемого (собранного наряду с археологическими изысканиями) материала.

Разработанные на этой основе схемы расогенеза монголоидов выделяли байкальскую подрасу, в которой в качестве локального западного варианта выделялся канганский антропологический тип, объединяющий эвенков обеих Тунгусок и обитателей Восточного Саяна – тофов. В целом байкальская антропологическая общность, единственными дожившими до наших дней представителями которой считались юкагиры, рассматривалась в качестве древнейшей из выявленных групп «палеоазиатского» населения Сибири, что давало основания относить начальную точку отсчета процесса этногенеза эвенков к эпохе неолита – поздней бронзы¹⁵.

Результаты многолетних исследований Г.М. Василевич в области этногенеза и этнической истории эвенков, к сожалению, не завершились монографическим обобщением. Опубликованное незадолго до кончины исследовательницы краткое изложение вполне законченных концептуальных взглядов на эти проблемы до сих пор остается главной рабочей гипотезой, которая выделяет основные этапы формирования тунгусов и обосновывает «южную» локализацию их исторической прародины. В этой связи нам представляется необходимым изложить соображения Г.М. Василевич в том виде, в каком они впервые были обобщены ею¹⁶.

Уже своим названием «Материалы языка, фольклора и этнографии к проблеме этногенеза тунгусов» работа Г.М. Василевич вполне определенно обозначала методологические принципы автора в решении проблем этногенеза – сравнительно-историческую импликацию лингвистических, этнонимических, фольклорных и этнографических материалов.

По мнению исследовательницы, начало формирования *«тунгусского этноса происходило в среде охотников неолита байкальской, по Окладникову, культуры, которой и соответствовала алтайская языковая общность»* (здесь и далее курсив мой. – М.Т.). Распад единой языковой общности и выделение из нее собственно охотников и ранних скотоводов произошли на средних этапах неолита, при этом первые обособляются в горно-гольцовых районах, с юга примыкающих к оз. Байкал, а вторые – предки современных монголов и тюрков – осваивают более южные территории.

Далее Г.М. Василевич подчеркивает, что алтайскую языковую общность следует рассматривать в качестве той *«этнической среды, северная часть которой развилась в тунгусоязычный этнос»*. Следы праязыковой основы тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских этносов, по мнению исследовательницы, свидетельствуют о еще более древних взаимодействиях праязыков алтайской и уральской языковых семей.

Следующий этап формирования тунгусоязычной общности назван Г.М. Василевич собственно *«тунгусо-маньчжурским»*, совпадающим по времени с *«первым периодом становления тунгусского этноса»* (следует, очевидно, понимать – протоэвенкийского), который *«также отразил большую длительность процесса становления и взаимодействия с другими этносами»*. На этом этапе, датируемом (по Л.П. Окладникову) **серовским этапом неолита**, по мнению исследовательницы, формируются основной фонд языка, основные элементы хозяйства, материальной и духовной культуры, которые характеризовали *«прототунгусов»* как пеших охотников на горнотаежную фауну, вычленяющихся из общей массы населения данного этногеографического региона в виде самостоятельного этноса.

В конце серовского этапа неолита локализуемая в горно-гольцовой зоне южного фаса оз. Байкал (очевидно, в Восточном Саяне?) тунгусо-маньчжурская этнокультурная общность распадается на северную и южную. Представители последней, *«ушедшие от Байкала на восток, вероятно, до рубежа н.э. (китайский этап неолита), оторвавшись от материнской (языковой. – М.Т.) основы, развивались на бассейнах правых притоков Амура – Сунгари – Уссури – во взаимодействии с иным населением»*. Они стали основным ядром в образовании чжурчженей – предков маньчжуров.

«Второй период этногенеза прототунгусов», сообразуясь с данными археологии, Г.М. Василевич ориентировочно датирует *концом китойского – началом глазковского этапов неолита. Оставшаяся в прежнем ареале расселения группа тунгусов* окончательно осваивает «горную тайгу, примыкавшую к Байкалу», и продолжает «развивать самостоятельно свои языки и культуру... тот тунгусский комплекс, который всегда отличал *тунгусоязычные народы Сибири* от всех остальных народов». Г.М. Василевич считает возможным предполагать, что «в конце второго периода появился этноним *эвен*». В целом же в течение всего этого этапа связи прототунгусов «с южными и северными соседями продолжались и отразились как в языке, так и в духовной культуре».

Следующий этап этногенеза Г.М. Василевич связывает с расселением прототунгусов на запад и восток от Байкала и характеризует как период формирования прямых *предков эвенков и эвенов*. Перемещение ареала расселения увязывается исследовательницей с выходом к Байкалу кочевых скотоводческих групп тюркоязычного населения, которые разделяют северных тунгусов на западную (ангаро-прибайкальскую), и восточную (ленско-витимскую и забайкало-амурскую) диалектные группы. Расселение на громадной территории, западной границей которой, очевидно, являлся бассейн р. Обь, а на востоке – побережье Тихого океана, как считает Г.М. Василевич, соответствует дооленоводческой стадии культуры «пеших бродячих охотников»¹⁷ и завершается к VI в. н.э. Этот период характеризуется активными контактами тунгусов с соседним кетским, самодийским, тюркским и монголоязычным населением, что определило «образование местных говоров» и формирование локальных особенностей культуры у отдельных территориально обособленных групп, сохранившихся в течение всего периода «письменной истории» до середины XX в.

Нам представляется, что предложенные Г.М. Василевич концептуальные положения хотя и обосновывают безальтернативно-автохтонное, сибирское местоположение первоначального очага этногенеза тунгусов, тем не менее не отвергают полностью сложившиеся ранее точки зрения, указывающие на центральноазиатское происхождение исходного этногенетического ядра тунгусов – алтайской языковой семьи, которая, как полагали в то время, сложилась в условиях территориальной и хозяйственно-культурной общности прототунгусов, протомонголов и прототюрков.

Как уже отмечалось, реконструируемая Г.М. Василевич схема этногенеза и этнической истории тунгусов вполне соответствовала устоявшемуся к тому времени определению понятия «этнос», учитывала противоречивые взгляды лингвистов в интерпретации феномена «алтайской языковой семьи»¹⁸, а также данные фольклора, которые указывали на участие в этногенезе прототунгусов двух этнокультурных субстратов¹⁹ и на древние этнокультурные контакты с легендарными киданями²⁰ (языковая принадлежность последних по существу окончательно не определена до сих пор).

Трудно сказать, в какой степени в своей концепции этногенеза эвенков Г.М. Василевич учитывала замечания С.М. Широкогорова по поводу того, что лингвистические характеристики этноса не являются решающими в определении его происхождения, а последовательное наложение антропологических, этнографических и лингвистических признаков не всегда дает возможность «построить согласованную схему», что существующие классификации этносов по линии родства чаще всего «имеют значение провизорных... рабочих гипотез»²¹. Можно лишь предполагать, что идеи С.М. Широкогорова, с одной стороны, и опубликованные разработки по хозяйственно-культурной типологии народов мира²² – с другой, все же оказали на Г.М. Василевич вполне определенное влияние.

Представляя процесс этногенеза тунгусов в виде последовательной смены «этносов-предков», непрерывной цепи эволюции культуры «пеших охотников», видя преемственность (прямое родство) между начальным ее звеном – «байкальской неолитической культурой» и конечным – современной культурой «бродячих

тунгусов», исследовательница рассматривала каждую из выделенных ею общностей в качестве отдельного, смешанного по происхождению и культуре этноса – «прото-тунгусы», «северные тунгусы», «эвенки и эвены».

Как уже отмечалось, опубликованная более четверти века назад концепция Г.М. Василевич до сих пор является основной рабочей схемой этногенеза тунгусов. Изменения коснулись лишь вопроса о географическом положении «исторической прародины», которая поначалу переместилась в горно-таежные районы Забайкалья²³, а затем – в нижнее течение Амура²⁴.

Еще раз с сожалением можно констатировать, что огромная по объему рукопись «Материалы языка, фольклора и этнографии к проблеме этногенеза тунгусов»²⁵ представляет собой до сих пор не готовое к публикации собрание разрозненных материалов. Изложенные выше основные положения предложенной Г.М. Василевич концепции этногенеза и этнической истории эвенков (тунгусов) чрезвычайно лаконичны и генерируют ряд вопросов. Соглашаясь с «автохтонностью» тунгусов, принадлежностью эвенкийского языка к древней алтайской общности, стадийным членением процесса формирования культуры, связанным с рядом последовательно сменявших друг друга этнических общностей, и непрерывными контактами с соседними иноэтничными общностями, мы вынуждены констатировать, что концепция Г.М. Василевич в целом требует уточнения и приведения в соответствие с современным состоянием теории этноса и культуры, новыми данными из области алтайского языкознания, антропологии и археологии.

Многолетние, охватившие практически весь послевоенный период развития отечественной науки обсуждения и теоретико-методологические исследования объекта²⁶ и предмета этнографических исследований²⁷, на наш взгляд, были посвящены не столько уточнению определений того и другого, сколько уяснению их существа в диахронии и синхронии. Если попытаться обобщить основные результаты этой работы, то они представляются нам в следующем:

- в признании того, что «этнос» чаще всего, «как и формация, есть умственная конструкция, своего рода «идеальный тип», используемый для систематизации конкретного материала»; в практике этнографического исследования, как правило, имеет место «некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континиум», выраженный в динамично развивающихся системах – этнических общностях разного иерархического уровня²⁸;

- этногенез и этническая история есть по существу единый непрерывный процесс, условно разделяемый исследователями на две фазы; границы между ними (вследствие условности классификационной сущности их выделения) весьма неопределенны;

- общность территории, эндогамия и ее результаты – общность происхождения и языка – важнейшие условия формирования этнической целостности и ее обособления в социальной среде лишь на ранних стадиях (племя, соплеменность);

- этническое самосознание, выраженное через общепринятый этноним, по существу на всех ступенях существования этнической общности является единственным и наиболее устойчиво воспроизводимым в поколениях этноинтегрирующим признаком²⁹.

Не менее важное методологическое значение в изучении ранних этапов этногенеза имеют, на наш взгляд, те изменения в оценках разрешающих возможностей археологических источников, которые параллельно появились в рамках смежных наук – археологии и этнографии. Характеризуя современное состояние этой проблемы, можно очевидно утверждать следующее:

- в отличие от 1940-х – 1960-х годов современная археология весьма осторожна в оценках разрешающей способности археологического материала (представляющего не только ранние, но и поздние отделы – неолит, бронзовый век) как в реконструкции социальной организации, хозяйства и духовной культуры древних общностей, так и в совмещении реконструируемых «археологических культур» с «этническими»³⁰;

– этнографы хотя и продолжают рассматривать материалы археологии «в качестве одного из основных... а иногда и основного источника» в этногенетических реконструкциях, тем не менее проявляют большую осторожность; нам представляется, что постепенно получает поддержку мнение о том, что соотношение археологических и этнографических культур, корреляция материалов и их систематизация на междисциплинарном уровне в большинстве случаев возможны лишь в рамках хозяйственно-культурных типов³¹.

Этническая антропология³² хотя и имела изначально свои оригинальные взгляды на проблему соотношения «раса – антропологический тип – этнокультурная общность – этнос», тем не менее (как и смежные с ней археология и этнография в целом) эволюционировала в рамках общеприятных концепций и построений объединяющей эти науки истории первобытных обществ.

Известный отечественный антрополог В.П. Алексеев, который наряду с исследованиями в области расогенеза достаточно длительное время разрабатывал методику этногенетических исследований³³, отмечал, в частности, что три источника – антропология, лингвистика и этногенетические предания, к которым сегодня чаще всего обращаются в этногенетических исследованиях, по существу имеют свою специфическую разрешающую способность и, как правило, чрезвычайно редко коррелируют между собой³⁴.

Современные взгляды антропологов на проблему этногенеза тунгусов характеризуются, на наш взгляд, следующими двумя концепциями. Отвергая предложенную ранее антропологическую однородность северных палеоазиатов, антропологи выделяют в их составе арктическую, байкальскую, центральноазиатскую и южносибирскую антропологические общности. Две последние, по данным краниологических исследований, объединяют генетическим родством носителей «китойской неолитической культуры» с современными монголами и тюрками³⁵.

Сегодня, пожалуй, нет ни одного антрополога, сомневающегося в том, что современные тунгусо-маньчжуры выпадают из общей схемы расогенеза центральноазиатских монголоидов, не связаны происхождением с древним (эпохи неолита–бронзы) населением Южного Прибайкалья и образуют особую общность, получившую наименование «байкальской». Последняя рассматривается *в виде группы популяций*, к которой кроме тунгусов (катангский антропологический тип) относят также юкагиров. Общее для данной группы «местоположение расообразовательного очага естественно устанавливается в таежной зоне Центральной и Восточной Сибири», от Енисея до Тихого океана и от Ледовитого океана до северных границ лесостепей³⁶.

Анализ генетических связей, представляющих «байкальскую расу» популяций, устанавливает ее неоднородность. В рамках «байкальской расы» выделяются два локальных подразделения: северное (юкагиры, орочи, эвенки, негидальцы) и южное (нанайцы, ульчи и нивхи)³⁷.

Будучи едиными в отрицании генетических связей тунгусов с носителями «китойской культуры» и отмечая их изначально изолированное положение в группе монголоидов, антропологи по-прежнему расходятся в вопросе о географической локализации их «исторической прародины» в регионе Северной Азии. Разработчики направления популяционной генетики, основывая свои выводы на изучении современного генофонда населения Северной и Центральной Азии, утверждают следующее: 1) исходное генетическое ядро эвенков восходит к катангскому антропологическому типу, который в виде изолята отслеживается в составе монголоидов, начиная с эпохи неолита; 2) очевидная древность *физического типа* эвенков сочетается с *относительной молодостью этноса* (от 1,5 до 2 тыс. лет), что, по мнению антропологов, является свидетельством продолжения процесса этногенеза уже после формирования антропологического типа; 3) исходный ареал формирования катангского типа определяется междуречьем Енисея и Лены, объединяет эвенков с тофаларами и отделяет их от юкагиров; катангский тип как генетически однородная изолированная популяция отслеживается на глубину около 1,5 тыс. лет³⁸.

Аналогичное мнение в вопросе о географическом положении этногенетического ядра тунгусов поначалу высказывал и В.П. Алексеев, считавший, что между формированием байкальского антропологического типа и таежными районами Северного Прибайкалья и Восточной Сибири существует связь, которая «опровергает тезис о южной прародине тунгусов»³⁹. Однако в последующих работах В.П. Алексеев изменяет свою точку зрения и локализует исходное генетическое ядро тунгусо-маньчжуров в *земледельческой культуре низовьев Амура, полагая, что возникший в этих районах избыток населения вызвал миграцию части пратунгусов в северные таежные области и переход к охоте и оленеводству*⁴⁰.

Накопленные в 1960-е – 1980-е годы новые материалы ареальных лингвистических исследований⁴¹ также внесли свой вклад в корректировку предложенной Г.М. Василевич концепции этногенеза тунгусов. В обобщенном виде результаты этих исследований указывают на следующее:

– проблема «алтайской языковой праосновы» тунгусо-маньчжурских, тюрских и монгольских языков, хотя и дискутируется (как нам представляется, спор ведется вокруг гипотезы «ностратического праязыка»), однако обнаруживает все большее число сторонников реальности ее существования;

– статистический анализ лексических, фонетических и морфологических соответствий в указанной группе языков показывает, что они примерно равно удалены друг от друга; сама по себе «алтайская семья» имеет значительную временную протяженность (быть может она древнее индоевропейской и финно-угорской); время распада данной общности может датироваться около 6 тыс. лет до н.э. (8 тыс. лет от наших дней);

– общий фонд сходжений между языками этой группы выглядит следующим образом: между монгольскими и тюркскими – около 50% в морфологии и 25% в лексике; между тунгусо-маньчжурскими, с одной стороны, монгольскими и тюркскими – с другой – около 10% в лексике и около 5% в морфологии;

– сопоставление корневой лексической основы тунгусо-маньчжурских и самодийских праязыков (к сопоставлению также привлекались материалы по ономастике, этно- и топонимике) выявляет более 70% соответствий.

Сопоставление времени распада «алтайской семьи» с начальной точкой отсчета времени существования катангского типа порождает закономерный вопрос: что за общность имела место в промежутке 6–1,5 тыс. лет и в каком географическом пространстве она локализуется?

Следует заметить, что результаты широких ареальных сравнительно-лингвистических исследований производят еще большее впечатление в сопоставлении их с данными этнографии и антропологии, которые указывают на то, что этногенез части самодийскоязычных этносов, как и формирование байкальской антропологической общности, происходил в одном и том же географическом поясе континентальной тайги⁴², а в южные области Восточного Саяна предки самодийцев проникают не ранее 2 тыс. лет назад. В этой связи возникает как минимум один вопрос: *с каким географическим ареалом связано формирование основного лексического фонда эвенкийского языка?*

Если результаты ареальных лингвистических, антропологических и археологических исследований, новые концепции в теории этноса и культуры существенно корректируют сложившиеся во времена Г.М. Василевич представления о ранних этапах этногенеза тунгусов, то материалы по культуре эвенков – сами по себе и в сопоставлении с типологически близкими данными по культуре «пеших охотников северной таежной зоны»⁴³ – генерируют серию вопросов о времени, месте и механизме формирования того этнокультурного комплекса эвенков, который всегда их отличал от других этносов Сибири. Объем пригодного к сопоставлению материала, как нам представляется, настолько велик, что само сопоставление выходит далеко за рамки настоящей статьи. В этой связи мы позволим себе ограничиться лишь несколькими примерами.

Многочисленные аналогии, обнаруживаемые в хозяйстве и материальной культуре эвенков, с одной стороны, и кетов, хантов, манси, лесных ненцев и энцев, а также ряда иных коренных обитателей таежной зоны Сибири – с другой, общеизвестны и рассматриваются либо как результаты адаптации этносов в единых физико-географических условиях, либо как свидетельства заимствований из культур предшествовавшего мигрирующим с юга прототунгусам палеоазиатского населения⁴. В настоящей статье достаточно лишь отметить, что *большая часть элементов хозяйства и материальной культуры, как нам представляется, обнаруживает явные признаки того, что они формировались непосредственно в границах современного ареала расселения эвенков.*

Следует отметить, что предложение Г.М. Василевич рассматривать распашной тип верхней одежды в качестве указания на южный очаг зарождения наиболее архаичных элементов культуры тунгусов если и не отвергается полностью, то ставится в положение дискутируемого альтернативной точкой зрения Б.О. Долгих и Ю.Б. Симченко. Оба исследователя относят этот тип одежды к элементам палеоазиатских культур пеших охотников таежной и субарктической зон Евразии, заимствованной у них и вошедшей в культуру эвенков, ряда самодийцев, чукчей и коряков⁴⁵.

Столь же дискуссионным является вопрос об ареале формирования характерного и наиболее архаичного в культуре эвенков воздушного типа захоронений умерших сородичей, который типологически близок ритуальным захоронениям на дереве (специальном свайном помосте) костей медведя, лося и оленя. Исследования Г.Н. Грачевой⁴⁶ и наша предварительная подборка материалов показывают, что этот тип захоронений достаточно определенно локализуется в пределах таежной полосы к востоку от Енисея. Очевидно, что своим происхождением воздушные захоронения семантически резко отличаются от различных типов грунтовых захоронений, отмеченных в неолите – раннем железном веке южных лесостепных районов Сибири и Монголии.

Попытка увязать происхождение погребального обряда эвенков с ритуалом погребений китойского этапа неолита, на наш взгляд, также спорна. Обычай присыпки захороненного растертой красной охрой, которая якобы имитировала кровь, на наш взгляд, встречается далеко за пределами известного ареала распространения "китойцев" и современных эвенков.

Несколько сложнее обстоит дело с той частью этногенетических источников, которую принято относить к сфере духовной культуры, точнее к ее наиболее консервативной части – мифологии, религиозным верованиям и обрядам. Основные трудности, как нам представляется, состоят в том, что комплекс обрядов и верований, мифологических сюжетов фольклора эвенков имеет определенную типологическую близость не только к культурам "таежных охотников", но и обнаруживает поразительные аналогии в культурах ряда тюркоязычных народов Сибири⁴⁷. Не пытаюсь интерпретировать эти схождения с точки зрения характера и времени межэтнических связей носителей данного комплекса духовной культуры и первоначального очага его формирования, все же заметим, что, очевидно, не все свойственные эвенкам его составляющие могут, как полагает Г.М. Василевич, рассматриваться в виде свидетельств южного происхождения ранних тунгусов⁴⁸.

В связи с определением положения эвенков в типологии этнических общностей особый интерес имеет, на наш взгляд, вопрос о наличии консолидирующего их в этнос представления об общем происхождении, единого самосознания, выраженного в общем этнониме. Как уже отмечалось, последнее признается большинством современных этнографов как наиболее устойчивый, сохраняющий свои этнодифференцирующие свойства на протяжении всего времени существования этноса его главный признак. К сожалению, приходится констатировать, что, указав на наличие значительного числа свойственных эвенкам этнонимов, Г.М. Василевич не дает определений ни их этимологии, ни самого по себе их разнообразия. Вместе с тем они, на наш взгляд, объединяются в две гетерогенные группы.

К первой относятся этнонимы *илэ* и *мата*, переводимые как «люди», «группа родственников» и имеющие строго определенную привязку к конкретной территориальной группе⁴⁹. Этнонимы данного семантического типа, как известно, относятся к наиболее архаичным, изначальным формам возникшего внутри общности осознания своего единства и общности происхождения⁵⁰.

Ко второй группе относятся пришедшие извне и бытующие у разных территориальных групп до середины XX в. такие этнонимы, как *тунгусы*, *эвенки*, *хамниган*, *хундысал*, *орочен*, *орочел*, *ганалчи*⁵¹.

Возникающие в связи с этим многообразием этнонимов сомнения по поводу определения «эвенки есть единый этнос» усиливаются тем, что, по свидетельству И.Г. Георги, данная общность по основным формам хозяйствования, средствам транспорта и образу жизни расчленилась на ряд локальных образований⁵². Об этом же свидетельствуют такие факты, как наличие в социальной организации эвенков «тотемных родов»⁵³, а также отмеченные нами примеры того, что орочены Забайкалья до недавнего времени не признавали себя «эвенками», а эвенки Нижней Тунгуски считали их особым народом.

Необходимо отметить, что примеров противопоставления территориальных групп друг другу, в основе которого лежит признак «люди–нелюди», достаточно много не только в наших записях, но и в материалах эвенкийского фольклора. В целом же все эти факты свидетельствуют о том, что вопрос о таксономическом уровне «эвенкийской общности» совсем не прост и требует дополнительных исследований.

Обобщая все изложенное по проблеме этногенеза и этнической истории эвенков, прежде всего следует, очевидно, констатировать, что в настоящее время мы столь же далеки от завершенной модели этих процессов, как и в конце 1960-х годов. По существу перед исследователями стоит все тот же набор вопросов: где локализуется «историческая прародина» эвенков, где проходит грань между собственно этногенезом и историей эволюционного развития эвенкийской культуры, каково соотношение между «миграционистским» и «автохтонным» компонентами в формировании этнокультурного своеобразия эвенков, каково соотношение в нем собственно эвенкийских (этнических) и инородных (заимствованных извне, этнографических) компонентов?

Сложности в решении обусловленных проблемой этногенеза задач заключаются, на наш взгляд, не только в том, что изыскания в области сравнительного языкознания изобилуют пробелами, а такие важные, с точки зрения этногенетических исследований, источники, как материалы археологии и палеоантропологии таежной зоны Восточной Сибири, практически отсутствуют. Судя по всему, таежная зона Сибири и в особенности ее южная периферия на протяжении длительного периода (от неолита до наших дней) являлись своего рода «котлом», в котором непрерывно смешивалось и выкристаллизовывалось большинство коренных этносов Сибири. В этой связи нам представляется, что решения проблем этногенеза и этнической истории эвенков будет и в дальнейшем непосредственно зависеть от того, какими темпами и с каким результатом будут вестись разработки аналогичных проблем в контактной (по отношению к эвенкам) группе самодийских, тюркских и монгольских этносов.

Вместе с тем анализ современного состояния разнородных источников по интересующей нас проблеме позволяет в качестве предварительных рабочих принципов ее изучения предложить следующее.

1. Исходными материалами в настоящее время наиболее обеспечен поздний этап этнокультурной истории тунгусов, поскольку вопрос о том, к какому таксономическому уровню этнических общностей следует относить «исторических эвенков», остается открытым. Представляется целесообразным начать разработку проблем этногенеза и этнической истории данного этноса именно с уровня этнографической современности – XVII – начала XX в.

2. Исследования этого этапа позволят не только конкретизировать типологическую общность «эвенкийской народности», но и перейти на следующий в хронологи-

ческом отношении уровень формирования ее языковых, антропологических, хозяйственно-культурных и прочих характеристик.

3. Как показывает концепция Г.М. Василевич, формирование культуры современных эвенков прошло несколько стадий, каждая из которых соотносится с некой общностью. Нам представляется, что для современного уровня знаний о предмете в моделировании этих общностей наиболее целесообразно руководствоваться не столько этническими, сколько культурологическими принципами систематизации наличного материала.

В заключение, как нам кажется, следует подчеркнуть, что все изложенное в настоящей статье – не более чем попытка систематизации тех суждений, которые сложились у нас в процессе обычных для всякого этнографа размышлений о сущности избранного объекта и предмета исследований. Тема достойна того, чтобы предварительные рассуждения вылились в более солидное монографическое исследование. Однако даже в этом варианте будущая схема этногенеза и этнической истории эвенков станет, на наш взгляд, не более чем очередной «провизорной», рабочей гипотезой.

Примечания

¹ Историографию вопроса см.: *Василевич Г.М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л., 1969; *Туголуков В.А.* Этнические корни тунгусов // *Этногенез народов Севера*. М., 1980. С. 152–176.

² *Широкогоров С.М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. С. 13.

³ *Василевич Г.М.* Указ. раб. С. 32–33.

⁴ *Шренк Л.* Об инородцах Амурского края. Т. 1. СПб., 1883; *Котвич В.* Материалы для изучения тунгусских наречий // *Живая старина*. Вып. 2/3. 1909.

⁵ *Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 1–2. СПб., 1860–1869; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. Л., 1937.

⁶ *Шренк Л.* Указ. раб. С. 213; *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950; *Иохельсон В.И.* Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана // *Изв. ИРГО*. Т. XIII. СПб., 1907; *Богораз В.Г.* Новые данные к вопросу о протоазиатах. Л., 1928; *Огородников В.П.* Туземное земледелие на Амуре // *Тр. ДВУ*. № 4. Владивосток, 1927.

⁷ *Талько-Грынцевич Ю.Д.* К антропологии тунгусов // *Тр. Приамурского отд. РГО*. Т. VII. Вып. 3. Кяхта, 1904; Материалы к антропологии и этнографии Центральной Азии. Вып. 1. Л., 1906.

⁸ *Shirokogorov S.M.* Northern Tungus Migrations. Shanghai, 1926.

⁹ *Сосновский В.И.* Сянбийцы-эвенки // *Сибирская живая старина*. Вып. VIII / IX. Иркутск, 1929.

¹⁰ *Залкинд Е.М.* К этногенезу эвенков // *Уч. зап. Бурят-Монгольского пед. ин-та*. Вып. 1. Улан-Удэ, 1947; *Окладников А.П.* К изучению начальных этапов формирования народов Сибири. (Население Прибайкалья в неолите и раннем бронзовом веке) // *Сов. этнография* (далее – СЭ). 1950. № 2; *Левин М.Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958. [Тр. Ин-та этнографии. Нов. серия (далее – ТИЭ). Т. XXXVI. Тр. Северо-восточной экспедиции.]

¹¹ *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 11–13.

¹² *Чебоксаров Н.Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // СЭ. 1967. № 4; *Хазанов А.М.* Первобытная периферия докапиталистических обществ // *Первобытное общество*. Основные проблемы развития. М., 1975. С. 140–204; *Файнберг Л.А.* Судьбы первобытной периферии в новое и новейшее время // Там же. С. 205–285; *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981; *Карлов В.В.* Эвенки в XVII – начале XX в. (Хозяйство и социальная структура). М., 1982. С. 5–6.

¹³ *Василевич Г.М.* Указ. раб. С. 3.

¹⁴ *Василевич Г.М.* Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов // *Этнография*. 1930. № 3; *еже*. Сб. материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л., 1936; *еже*. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов // СЭ. 1946. № 4 *еже*. Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов // *Краткие сообщ. Ин-та этнографии* (далее – КСИЭ). Вып. 1. 1946; *еже*. Корытообразная нарта сымских эвенков // *Сообщ. Музея антропологии и этнографии* (далее – СМАЭ). Т. X. Л., 1949; *еже*. Тунгусский нагрудник у народов Сибири // Там же. Т. XI. 1949; *еже*. Топонимика

Восточной Сибири // Изв. ВГО. Т. 90. 1958; *ее же*. Исторический фольклор эвенков: сказания и предания. Л., 1966; *Залкинд Е.М.* О времени расселения эвенков в бассейне Енисея. (По поводу статьи Г.М. Василевич «К вопросу о киданях и тунгусах») // СЭ. 1950. № 1; *Цинциус В.И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.

¹⁵ *Дебец Г.Ф.* Антропологический состав Прибайкалья в эпоху позднего неолита // Рус. антропол. журн. Т. 19. 1930. № 1–2; *его же*. Антропологические исследования в Камчатской области. М., 1951; *Левин М.Г.* К антропологии Южной Сибири. (Предварительный отчет о работе антропологического отряда Саяно-Алтайской экспедиции 1952 г.) // КСИЭ. Вып. XX. 1954; *его же*. Этническая антропология...; *Окладников А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. // Матер. истории и литературы (далее – МИЛ). 1950. № 8; *его же*. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология // История СССР. 1968. № 6; *Рычков Ю.Г.* Материалы по антропологии западных тунгусов // Антропол. сб. 3. М., 1961. (ТИЭ. Т. 71).

¹⁶ *Василевич Г.М.* Эвенки... С. 39–41.

¹⁷ *Василевич Г.М., Левин М.Г.* Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. 1951. № 1.

¹⁸ Обсуждение проблемы алтайского праязыка разделило лингвистов на две группы. Одни связывали тунгусо-маньчжурские, монгольские и тюркские языки генетическим родством в структуре «ностратического» праязыка, другие вообще отрицали саму возможность их генетического родства. Материалы дискуссии отчасти отражены в следующих публикациях: *Широкогоров С.М.* Указ. раб. С. 42; *Щербак А.М.* О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопр. языкознания. 1966. № 3. С. 29, 35.

¹⁹ *Василевич Г.М.* Сборник материалов...

²⁰ *Василевич Г.М.* Исторический фольклор эвенков... С. 339.

²¹ *Широкогоров С.М.* Указ. раб. С. 40, 46–47.

²² *Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса) // СЭ. 1955. № 4.

²³ *Туголуков В.А.* Конные тунгусы (этническая история и этногенез) // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 78–110.

²⁴ *Шавкунов Э.В.* Культура чжурчженей-удиге XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990. С. 169–195.

²⁵ Архив Ленинградской части Ин-та этнографии АН СССР. Ф. К 1. Оп. 1. Д. 676–677.

²⁶ Основные направления дискуссии отражены в публикациях: *Кушнер П.И. (Кнышев)*. Этнические территории и этнические границы // ТИЭ. Т. XV. М., 1951; *Токарев С.А.* Проблемы типологии этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопр. философии. 1964. № 11; *Чебоксаров Н.Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // СЭ. 1967. № 4; *Бромлей Ю.В.* К характеристике понятия «этнос» // Расы и народы. Вып. 1. М., 1971; *Чистов К.В.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // СЭ. 1972. № 3; *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973; *Козлов В.И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // СЭ. 1974. № 2; *его же*. О классификации этнических общностей (состояние вопроса) // Исследования по общей этнографии. М., 1979; *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса; *Крюков М.В.* Еще раз об исторических типах этнических общностей // СЭ. 1986. № 3; *Арутюнов С.А.* Классификационное пространство этнической типологии // СЭ. 1986. № 4; *Марков Г.Е.* Этнические общности как исторические категории // СЭ. 1986. № 4; *Соколова З.П.* Эндогамный ареал и этническая группа (на материалах хантов и манси). М., 1990; *ее же*. Эндогамия и этнос // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1992. № 3.

²⁷ *Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // СЭ. 1972. № 2; *Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Вып. 2. М., 1972; *Арутюнов С.А.* К проблемам этничности и интерэтничности культуры // СЭ. 1980. № 3; *его же*. Обычай, ритуал, традиция // СЭ. 1981. № 2; *его же*. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // СЭ. 1982. № 1; *его же*. Язык и этнические процессы // Расы и народы. Вып. 15. М., 1985; *Арутюнов С.А., Маркарян Э.С., Мкртумян Ю.И.* Проблемы исследования культуры жизнеобеспечения этноса // СЭ. 1983. № 2; *Козлов В.И.* Этнос и культура (К проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры) // СЭ. 1979. № 3; *Маркарян Э.С.* Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. 1981. № 2.

²⁸ *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. М., 1993. С. 130–131; *Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // ЭО. 1992. № 1. С. 7–8.

²⁹ *Алексеев В.П.* О различии синхронного и диахронного сравнения этнографических явлений // Фольклор и историческая этнография. М., 1983. С. 240–241; *Арутюнов С.А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 5–15; *Козлов В.И.* О классификации этнических общностей // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 8–9; *Крюков М.В., Шнирельман В.А., Соколовский С.В., Мурашко О.А.* Обсуждение статьи З.П. Соколовой «Этнос и эндогамия» // ЭО. 1992. № 3. С. 78–85.

³⁰ Пример осторожного, если не сказать скептического, отношения к возможностям «социологических»

реконструкций на материалах археологии являет ряд работ Л.С. Клейна. См., в частности: *Клейн Л.С.* Археологические источники. Л., 1978; *его же.* Археологическая типология. Л., 1991. С. 145–149.

³¹ Из обширнейшей библиографии по этому вопросу в качестве примера см.: *Артунов С.А., Хазанов А.М.* Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблема соотношения // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 140–147; *Марков Г.Е.* Проблема сравнительной археологической и этнографической типологии культуры // Там же. С. 147–158.

³² *Зубов А.А.* Этническая антропология // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988. С. 76–77. (Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 2).

³³ *Алексеев В.П.* Антропологические данные и происхождение народов СССР // Расы и народы. Вып. 3. М., 1973. С. 43–66; *его же.* География человеческих рас. М., 1974; *его же.* Этногенетические предания, лингвистические данные, антропологический материал // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 9–32; *его же.* Историческая антропология. М., 1979.

³⁴ *Алексеев В.П.* Этногенетические предания... С. 13, 31–32.

³⁵ *Алексеев В.П.* Антропологические данные... С. 60; *Алексеев В.П., Трубникова О.Б.* Некоторые проблемы таксономии и генеалогии азиатских монголоидов (краниометрия). Новосибирск, 1984. С. 78, 80; *Мовсисян А.А.* Некоторые аспекты популяционной генетики современного и древнего населения Сибири // Вопр. антропологии. Вып. 45. 1973. С. 81–82; *Рычков Ю.Г.* Система древних изолятов человека в Северной Азии в свете проблем стабильности и эволюции популяций. Поиски и решения на путях популяционной генетики // Там же. Вып. 44. 1973. С. 13. Рис. 4.

³⁶ *Алексеев В.П.* География человеческих рас. С. 195, 26–290; *его же.* Антропологические данные... С. 62–63, 65.

³⁷ *Алексеев В.П., Трубникова О.Б.* Указ. раб. С. 114.

³⁸ *Рычков Ю.Г., Таусик Н.Е., Таусик Т.Н. и др.* Генетика и антропология популяций таежных охотников-оленьеводов Сибири (эвенки Средней Сибири). Сообщ. I. Родовая структура, субизоляты и инбридинг в эвенкинской популяции // Вопр. антропологии. Вып. 47. 1974. С. 3–26; Сообщ. II. Эффективный размер, пространственная структура популяции и интенсивность миграции генов // Там же. Вып. 48. 1974. С. 3–17; Сообщ. III. Генетические маркеры и генетическая дифференциация в популяции эвенков Средней Сибири // Там же. Вып. 53. 1976. С. 38–56; *Рычков Ю.Г., Яцук Е.В.* Генетика и этногенез. Историческая упорядоченность генетической дифференциации популяций человека (модель и реальность) // Там же. Вып. 75. 1985. С. 97–116.

³⁹ *Алексеев В.П.* Антропологические данные... С. 63.

⁴⁰ *Алексеев В.П.* Этногенез. М., 1986. С. 91.

⁴¹ *Цинциус В.И.* К этимологии алтайских терминов родства // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972. С. 15–70; *Новикова К.А.* Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру // Там же. С. 105–106; *Колесникова В.Д.* Названия частей тела человека в алтайских языках // Там же. С. 71–103; *ее же.* К характеристике частей тела человека в тунгусо-маньчжурских языках // Там же. С. 257–336; *Константинова О.А.* Тунгусо-маньчжурская лексика, связанная с жилищем // Там же. С. 224–256; *Никонов В.А.* Фоностатистические спектры языков Сибири // Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980. С. 26, 31; *Рассадин В.И.* К сравнительному изучению анималистской лексики бурятского языка // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск, 1981. С. 119; *Серебрянников Б.А.* Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков // Теоретические основы классификации языков мира. Проблема родства. М., 1982. С. 7, 30, 43, 45; *Хелимский Е.А.* Самодийско-тунгусские лексические связи и их исторические импликации // Урало-алтаистика: археология, этнография, язык. Новосибирск, 1985. С. 206–213; *Старостин С.А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991. С. 3, 23–24, 62; *Викторова Л.Л.* К проблеме формирования монгольского ареала в системе алтайских языков // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1989. С. 115, 119–121.

⁴² *Долгих Б.О.* Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970. С. 228–229, 257, 259, 274; *Васильев В.И.* Проблемы формирования северо-самодийских народов // Социальная организация и культура народов Севера. Л., 1974. С. 134–135; *Дульзон А.П.* Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики. М., 1960; *Мельхеев М.Н.* Топонимика Бурятии. Улан-Удэ, 1969; *Алексеев В.П.* Антропологические данные... С. 60–61.

⁴³ *Марков Г.Е.* История хозяйства и материальной культуры. М., 1979. С. 163.

⁴⁴ См., например: *Попов А.А.* Орудия охоты у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия (рукопись) // Архив Ленинградской части Ин-та этнографии. Ф. 14. Оп. 1. Д. 167; Народы Сибири. М.; Л., 1956 (сер. «Народы мира»); Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961; *Симченко Ю.Б.* Культура охотников на оленя Северной Евразии. М., 1976.

⁴⁵ *Долгих Б.О.* Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970. С. 257; *Симченко Ю.Б.* Указ. раб. С. 172, 174–175, 181–182.

⁴⁶ Грачева Г.Н. Народные названия, связанные с погребениями и погребальными сооружениями (по материалам Западной Сибири) // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 38–51.

⁴⁷ См., например: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1976; Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века // СМАЭ. Т. XXVII. 1971; Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л., 1958. С. 15–106; Алексеев Н.Л. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск, 1975; *его же*. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980; Васильев Б.А. Медвежий праздник // СЭ. 1948. № 4. С. 78–104; Гемуев И.Н. Мировоззрение манси. Дом и Космос. Новосибирск, 1990; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культурные места XIX – начала XX в. Новосибирск, 1986; Напольских В.В. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 5–21; Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984; Лукина Н.В. Формы почитания собаки у народов Северной Азии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. Л., 1983. С. 226–233.

⁴⁸ Так, в частности, полагает Е.С. Новик. См.: Новик Е.С. Указ. раб. С. 157–158, 218–219.

⁴⁹ Василевич Г.М. Эвенки... С. 10, 13.

⁵⁰ Крюков М.В. «Люди», «настоящие люди» (К проблеме исторической типологии этнических само-названий) // Этническая ономастика. М., 1984. С. 11.

⁵¹ Василевич Г.М. Эвенки... С. 11–12; Туголуков В.А. Тунгусы и ламуты на северо-востоке Сибири // Этническая ономастика. С. 35–38.

⁵² Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов... Ч. 3. СПб., 1799.

⁵³ Анисимов Л.Ф. Указ. раб. С. 132–134.

М. Г. Т у р о в . Towards Evenk Ethnogenes and Ethnic History Problem

This article generalizes the results of the author's long-term investigations of Tungus ethnography. The main contents of this publication is the analysis of the modern state of ethnogenes and the ethnic history problem of Evenk – the North group of Tungus which is settled in the vast territory from the Ob to the Pacific Ocean.

The results of the analysis the materials on Evenk ethnogenes and ethnic history including the Russian scientists' investigations in ethnogenes let the correction according the up-to-date level of notion on the phenomenon of «ethnos» and «culture» and the new ethnogenetic data of the number of closely-related sciences.

© 1998 г., ЭО, № 3

В.Я. Б у т а н а е в

КУЛЬТ ОГНЯ У ХАКАСОВ

В религиозной жизни хакасов XIX – первой половины XX в. самым развитым по сравнению с другими культурами был культ огня, истоки которого относятся как минимум ко времени существования средневекового Киргизского государства. Восточные письменные источники сообщали, что киргизы, подобно индусам, сжигают мертвых и говорят: «Огонь – самая чистая вещь; все, что падает в огонь, очищается; (так и) мертвого огонь очищает от грязи и грехов»¹. Огонь наряду с водой относился к самым сильным стихиям. Жители Хыргыс-Хоорай (т.е. Хакасии) считали, что в солнечном мире нет силы могущественней и возвышенней огня². Согласно хакасской мифологии, он произошел от искры, высеченной из кремня одним из культурных героев – Ала бегом³. Как и монгольские народы, хакасы считали отцом огня сталь, а матью – кремень⁴. По другим версиям, огонь принесла людям ласточка, выкрава его у бога подземного мира Ирлик-хана⁵.

Хакасы обожествляли огненную стихию и величали ее дух-хозяина *От-ине* или *От-идже*, т.е. Мать огня. Возникновение женского персонажа в пантеоне божеств